

Т.Г.Трофимович (Минск, Беларусь)

РУССКАЯ КРЫЛАТОЛОГИЯ И НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ КОММУНИКАЦИИ

Известно, что крылатология любого языка, в том числе и русского, - это совокупность крылатых слов, выражений, а также раздел языкознания, изучающий эти единицы. Крылатыми словами принято называть устойчивые, афористические, обычно образные выражения, вошедшие в речевое употребление из различных известных источников [1, с. 246].

История лексикографической фиксации и изучения русской крылатологии начинается в XIX веке, когда появляются работы И. Редникова, С.Максимова, И. Тимошенко, М. Михельсона и др. В XX веке начатое дело было продолжено Л. Каменевым, С. Займовским, В. Овсянниковым, Н. и М. Ашукиными и др. Крылатология последних десятилетий связана с именами таких исследователей, как С.А. Коваленко, В.М.Сидоренко, С.Г. Шулежкова, В.П. Берков, Л.П.Дядечко, В.М. Мокиенко и многих других. Заметным событием в русской крылатологии стал выход «Большого словаря крылатых слов и выражений» в двух томах В.П.Беркова, В.М. Мокиенко, С.Г.Шулежковой (Магнитогорск, 2008). В словаре зафиксировано около 5 000 крылатых слов и выражений, что делает его одним из наиболее полных собраний русских крылатых единиц, употребляемых современными носителями русского языка.

Устойчивое и пристальное внимание к крылатым словам объясняется их высокой коммуникативной значимостью, тем, что в речи они выполняют важную и специфическую функцию. Исследователи считают, что именно крылатые слова «дают возможность ярко и сжато выразить мысль, метко и кратко охарактеризовать явление, ситуацию, отношение, человека, в превосходной литературной форме выразить свое чувство» [2, т. 1, с.16].

Среди источников русской крылатологии одно из главных мест занимают цитаты из произведений русской литературы, Так, например, нами подсчитано, что из 5000 крылатых слов и выражений, зафиксированных упомянутым выше словарем, 5% являются цитатами из произведений А.С. Пушкина. Содержание словаря показывает, что в качестве крылатых единиц используются строки из произведений М.Ю.Лермонтова, И.А.Крылова, Н.А. Некрасова и многих других русских писателей и поэтов.

Обратим внимание на то, что подавляющее число крылатых выражений, восходящих к русской классике, представляют собой поэтически организованную речь. Например, всего лишь две цитаты из прозаических произведений А.С. Пушкина стали крылатыми. Это выражение *Тройка, семерка, туз*, взятое из повести «Пиковая дама», обозначающее шуточный или горький намек на картежную страсть или называющий символ сумасшествия [2, т.2, с.457], и выражение *Мы ленивы и нелюбопытны* из «Путешествия в Арзрум», ставшее формулой порицания русскими духовной инерции [2, т.1, с.645]. Прозаическое высказывание обладает меньшей по сравнению со стихами художественной емкостью, оно воздействует содержанием, а поэтические строки доставляют эстетическое наслаждение еще и звучанием [3, с.379], поэтому именно они чаще становятся крылатыми.

Анализ лексикографически зафиксированной русской крылатологии, а также фактов употребления этих единиц в речи позволяет сделать один значимый вывод: нередко созданные классиками выражения меняют свою стилистическую окраску, приобретают новые коннотации, переходят из одной сферы общения в другую. При этом достаточно последовательно устанавливается направление изменений: из возвышенного либо нейтрального к шуточно-ироничному, из книжного к разговорному. Приведем конкретные примеры, опираясь на данные упомянутого словаря.

Всем известны строки из стихотворения А.С. Пушкина «Памятник»: *...И назовет меня всяк сущий в ней язык, и гордый внук славян, и финн, и ныне дикий тунгус, и друг степей калмык*. Никакого шуточного смысла поэт в эти стихи не вкладывал, но современной речи подчеркнутые слова используются именно для шуточного именованья народов, населявших Россию, рассуждениях об их судьбе и взаимоотношениях. Строка из поэмы «Полтава» *И грянул бой, полтавский бой!* в настоящее время используется для именованья жаркого, шумного спора, ссоры, спортивного соревнования. То же наблюдаем в выражениях: *Бог с тобою, золотая рыбка!* (шуточная, ироничная прощальная формула); *Вознесся выше он главою непокорной Александрийского столпа* (шуточно о величии человека); *Еще напор – и враг бежит* (шуточно, иронично о еще одной попытке); *Птичка божия не знает ни заботы, ни труда* (о беззаботном человеке) и т.д.

Строка из стихотворения М.Ю.Лермонтова «Бородино» *Да, были люди в наше время!* в настоящем употребляется в шуточном смысле как упрек новому поколению, слабому, с точки зрения

старшего поколения. Некрасовское *Выдь на Волгу: чей стон раздается* не выражало никакой иронии, а в современной русской речи не только используется как иронический призыв к рассуждению о проблемах, связанных с Волгой и Поволжьем. Более того, эта строка послужила основой для возникновения серии контактоустанавливающих заголовков типа *Выдь на Волгу: чья речь раздается? Выть на «Волгу» теперь остается* и т.п. [2, т.1, с. 240].

Строки, ставшие крылатыми, нередко обыгрываются в речи, становятся своего рода прототипическими сценариями высказываний. Хорошо известная пушкинская строка *Духовной жаждою томим*, ставшая характеристикой чьих-то возвышенных интересов, высоких духовных потребностей, тяги к культуре, просвещению используется не только как поэтическое или шутовское выражение. В речи оно подвергается различным модификациям: *...с утолением духовной жажды тех, кто составляет многоликую аудиторию домашнего экрана;... томим одной единственной жаждой – посадить на скамью подсудимых; томимые духовной жаждой тянутся прежде всего к книгам* и т.д.

В современной русской речи иронически трактуется выражение из басни И.А.Крылова «Любопытный». Герой басни посещал кунсткамеру и рассмотрел там все мелкие вещи, но на вопрос: «А видел ли слона?» отвечал: «Слона-то я и не приметил». Сейчас так говорят, когда с иронией хотят указать на то, что не замечено самое главное, важное [2, т.2, с. 364].

Высокая, книжная, поэтическая окраска цитаты может сохраняться и соседствовать с шутовской, иронической, разговорной. Так, например, фраза *Друзья мои, прекрасен наш союз!* Может использоваться как поэтическое обращение к друзьям или как шутовское. Вот примеры употребления: *Одна из лучших черт Шпаликова о прямо пушкинская верность дружеству...Если бы это было сказано раньше, он бы обязательно сказал: «Друзья мои, прекрасен наш союз!» Ю. Файт. Друзья мои, прекрасен наш союз. Союз, созданный добротой и любовью к танцу. Заметка в газете.*

Подобное переосмысление известных выражений носит устойчивый характер и касается не только цитат из русской классики. Так, например, выражение *блудный сын*, которое, как известно, восходит к евангельскому рассказу, используется в настоящее время в ироническом или шутовском смысле, когда говорят о человеке, вышедшем из повиновения отцу, о беспутном, нравственно нестойком человеке, о ком-то, долго отсутствующем и наконец вернувшемся [2, т.1, с. 108].

Можно было бы рассмотреть и другие примеры, которые подтверждают сделанный нами вывод. Однако попытаемся найти причины подобного явления, объяснить его. На наш взгляд, убедительные объяснения предлагает современная теория коммуникации.

Теория коммуникации, как известно, представляет собой область научного знания, предметом изучения которой является коммуникация, т.е. система, в рамках которой осуществляется обмен информацией, рассматриваются способы взаимодействия в этой системе, с помощью которых создается, передается и принимается информация [4]. К настоящему времени созданы многочисленные модели коммуникации, среди которых свое место занимают модели семиотические, т.е. те, которые основаны на использовании в коммуникации как процессе свойств различных знаков, в том числе и языковых, и рассматривающие влияние интерпретации этих знаков на конечное сообщение. Известно, что семиотические модели разрабатывались такими известными учеными, как Р.О.Якобсон, Ю. М. Лотман, Умберто Эко.

В настоящее время модель коммуникации итальянского семиолога У. Эко является самой значимой среди семиотических моделей. Она демонстрирует власть языка и его способность сказать больше, чем язык намеревался сказать буквально. Становится очевидным, что с того момента, как текст лишается субъективных намерений автора, у его читателей нет больше никаких обязательств или возможностей оставаться верными этим намерениям. Таким образом, текст, согласно построениям У.Эко не может иметь абсолютного и однозначного смысла, означаемое всегда откладывается, а означающее всегда существует в ином измерении [5, с. 123].

Из сказанного выше следует, что созданный автором текст не обязательно должен будет интерпретироваться получателем информации (конечного сообщения) так, как того хотел автор. Интерпретатор вправе делать это сам, а созданный автором текст априори это предполагает. Именно поэтому лишённые шутливо-ироничной окраски строки классиков такую окраску в современной русской речи могут получать.

Тот факт, что крылатые слова получают в речи иную, чем у породивших их создателей, смысловую или коннотативную интерпретацию, соответствует еще одному постулату современной теории коммуникации, которая базируется на философских категориях и условно называется *смерть автора*. Энциклопедическое

определение этого явления выглядит так: «Смерть автора – это парадигмальная фигура постмодернистской текстологии, фиксирующая идею самодвижения текста как самодостаточной процедуры смыслопорождения. В аксиологической системе постмодернизма автор символизирует идею внешней принудительной каузальности, в ситуации которой линейный тип детерминизма предполагает и линейное объяснение явления через указание на его единственную и исчерпывающую причину, в качестве которой для текста выступает автор»[6]. Другими словами, автор оказывается не в состоянии заставить получателя созданного им текста (информации) усматривать в написанном только заложенный им смысл, получатель же сообщения воспринимает то, что хочет или в состоянии воспринять.

Таким образом, обнаруженная нами тенденция переосмысления части русской крылатологии, состоящая в изменении ее стилистической и коннотативной окраски, сферы употребления, не может быть истолкована как деструктивное явление современной коммуникативной стратегии. Говорящие и пишущие не высмеивают классиков, не подшучивают над ними, а пользуются созданными строками как авторитетными и мощными выразительными средствами, обладающими большими коммуникативными возможностями.

Литература

1. Розенталь, Д.Э, Теленкова, М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д.Э. Розенталь, М.А.Теленкова. – М., 1976.
2. Берков, В.П., Мокиенко, В.М., Шулежкова, С.Г. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка / В.П. Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова. – В 2-х томах. – Магнитогорск, 2008.
3. Словарь литературоведческих терминов. – М., 1974.
4. Пресс-служба. Всероссийский специализированный журнал. – Режим доступа: <http://www.press-service.ru/terms/130/>
5. Усманова, А.Р. Умберто Эко: парадоксы интерпретации / А.Р. Усманова. – Минск, 2000. – Режим доступа: http://yanko.lib.ru/books/cultur/usmanova-eco.htm#_Тос526164833.
6. Грицанов, А. А., Румянцева, Т.Г., Можейко, М.А. История философии: энциклопедия. – Режим доступа:http://dic.academic.ru/dic.nst/history_of_philosophy/480/СМЕРТЬ.